

Советская ментальность: маркеры социально-исторической идентичности

Введение

Период советской истории — неоднозначный и противоречивый, тем не менее такой же «наш», как и все остальные. В год столетия образования СССР все насущнее осознается необходимость непредвзятого анализа этого социокультурного феномена, его антропологической составляющей, цели и смысла его исторического существования. Обществоведы и историки все еще далеки от единодушия в оценках этого, во всех смыслах неординарного, события. Во многом это определяется позицией самих исследователей, что само по себе можно рассматривать как некий объективно существующий фактор. Как отмечает К. Гества, «сколь бы фундированными эмпирически и выразительными литературно ни были исследования о *homo sovieticus*, связанному с ними пониманию общества и образу человека присущ редуционизм и детерминизм»¹.

И действительно, знакомство с наиболее известными работами по истории и социологии советского общества вызывает ощущение продолжающейся «гражданской войны» — теперь уже на «фронтах» науки и публицистики. «С советизмом Россия прожила более семидесяти лет. С ним она добилась выдающихся, эпохальных успехов, на несколько десятилетий стала лидером социальной эволюции человечества. Советский период был и, по всей вероятности, останется навсегда вершиной российской истории», — считает А. А. Зиновьев². В то же время целый ряд авторов не просто констатируют наличие в «советском

Сомов

Владимир

Александрович

д-р ист. наук, проф.,
Нижегородский
государственный
педагогический
университет им.
К. Минина (Нижний
Новгород, Россия)

Волкова

Елена Сергеевна

канд. ист. наук, науч.
сотр., Институт
истории, археологии
и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО
РАН (Владивосток,
Россия)

проекте» негативных черт, но словно бы настаивают на их исключительной при- сутности всему советскому обществу. Иначе сложно объяснить неизменную *избирательность* в обосновании феномена советскости, будь то выбор еди- ничных источников³, либо документов, отражающих в основном девиацию⁴, либо наименее эстетически привлекательных сюжетов из советской жизни в качестве объектов исследования⁵. Например, в книге Н. Б. Лебиной с харак- терным названием «Пассажиры колбасного поезда» из 27 проанализированных терминов только два несут нейтральный характер: «акваланг» и «электропри- боры». Остальные призваны проиллюстрировать негативное отношение автора к жизни в СССР. Сюжеты, связанные с категориями «школа», «космос», «театр», «Победа» не вошли в сферу интересов автора, хотя они, безусловно, являются значимыми элементами советского историко-культурного пространства.

Преобладание негативизма в восприятии советской исторической дей- ствительности заставило Е. Ю. Зубкову задаться вопросом: «Откуда возникло это странное неприятие, почти боязнь использования понятия “советская жизнь”?» Для решения проблемы она предлагает «изменить оптику воспри- ятия объекта — от деталей к системе»⁶. Это означает, что нужно (временно?) отказаться от метода фрагментарной репрезентации советского менталитета и советской действительности как *исчерпавшего исследовательскую цен- ность*. Реверсивная фокусировка внимания исследователей от макро- к микро- объектам привела к накоплению огромного пласта текстов, предметов, цифр, отражающих многоаспектность и многофакторность образа жизни и мышления советского человека. Назрела необходимость качественно нового научного обобщения, который должен содержать обоснованные концептуальные су- ждения о советской эпохе в целом. Как нам представляется, переход от фе- номенального к ноуменальному⁷ описанию советской эпохи предусматривает аналитические размышления о доминирующих ментальных характеристиках, которые позволяют исторически идентифицировать советского человека не как идеальный тип, а как реально существовавший социальный субъект. Мы рассматриваем ментальность как исторически сложившееся психическое ос- нование реактивного поведения индивида (группы), мотивационную основу от- ношения к окружающей действительности, которая находит свое воплощение в поведении. Чтобы отследить и систематизировать проявления советской ментальности в конкретных жизненных обстоятельствах, мы предлагаем ис- пользовать маркеры социально-исторической идентичности советского чело- века. Проанализируем некоторые из них.

Маркер «Революция»

Советский человек сформировался в результате революционных пре- образований в российском обществе начала XX в. Негативизм в восприятии советского во многом обусловлен отношением к Октябрьской революции 1917 г. как к социальному злу, имевшему главным источником субъективные факторы внешнего характера. Не вдаваясь в подробности критики, отметим, что отношение к революции в значительной степени определяет отношение

к советскому человеку. Если революция — разрушение, хаос, «разруха в головах», то и советский человек, соответственно, есть результат бесчеловечного социального эксперимента, в принципе не обладающий позитивными характеристиками. Но стоит вдуматься в причины революции, попытаться спокойно определить ее характер и оценить последствия, как образ советского человека начинает приобретать все более понятные и менее «криминализованные» черты.

Действительно, революция — насильственный слом государственной машины, сопровождавшийся насильственным же процессом утверждения нового общественного порядка. В то же время Октябрьская революция — закономерный итог многолетнего кризиса не только политической и социальной организации, но и ментальной конструкции, свойственной традиционному российскому укладу. Еще П. А. Сорокин писал: «Основание (или причина) изменения любой социокультурной системы лежит в ней самой, и не следует искать его где-нибудь еще»⁸. Этот тезис подтверждают и современные ученые: «Социальные системы — такие как общество и государство — также со временем накапливают в себе потенциал социальной энергии — запрос на обновление, перемены, развитие», — заключает А. М. Ильницкий⁹. На наш взгляд, именно вековая аккумуляция социальной энергии стала главным побудительным мотивом для участников революции, исторически одновременно выразивших моральную неудовлетворенность своим положением.

Хочется подчеркнуть, что революционная динамика общественных настроений была замечена наиболее честными и просвещенными государственными деятелями России того времени, идейно далекими от революции и большевизма. Так, обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев в ноябре 1898 г. писал императору Николаю II: «Душа народная стала возмущаться. Стали подниматься всюду вопросы: для чего мы страдаем? А другие обогащаются нашим трудом, кровью и потом? И к чему служат власти, которые в течение тысячелетий ничего не могли устроить для нашего облегчения? И к чему правительство, которое только гнетет нас своими податями, правителями, судами? И к чему, наконец, государство и всякая власть государственная?»¹⁰ Думается, что именно так формировалась в русском народе, по выражению Н. А. Бердяева, «огромная витальная сила, которой раньше не давали возможности обнаружиться»¹¹. Именно революция 1917 г. явила собой «наглядный пример превращения идей в материальную силу»¹².

Таким образом, есть все основания рассматривать Октябрьскую революцию как квинтэссенцию социальной энергии человека труда, стремившегося вернуть попранные когда-то гражданские и политические права, водворить социальную справедливость, на долгое время исключить возможность восстановления узаконенной эксплуатации человека человеком. Начало нового этапа российской истории, связанного с масштабными социальными преобразованиями, определяется изменившимся отношением к процессу труда, к результату труда, к источнику труда — к человеку. Такой подход к феномену русской революции неизбежно меняет и взгляд на сущность советской ментальности. Советский человек — это раскрепощенный русский человек, освобожденная

энергия которого вовлекла в водоворот нового государственного строительства другие народы бывшей Российской империи.

Маркер «Идея»

Советское общество, безусловно, было идеократическим. Идеи играли государствообразующую роль. Если, как утверждает Э. М. Думнова, «идеологический компонент институциональной матрицы России вплоть до установления советской власти был выражен в религиозной форме»¹³, то «новый», советский человек идеологически был ориентирован на постепенное привыкание к «соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях, правил общежития»¹⁴. Идея *построения* светлого будущего органически предусматривала именно процесс труда, сложный и не всегда приемлемый с точки зрения личного интереса.

Результат идейного воспитания однозначно усматривается в героическом поведении советского солдата в годы Великой Отечественной войны. Как писал Б. Момыш-Улы, «долг — это высшее интеллектуальное понятие, вобравшее в себя ум, чувство, волю, совесть, честь, справедливость, правду, любовь»¹⁵, и «для победы нужен духовно здоровый, высокосоциальный советский человек»¹⁶. Интересно, что эти черты советской ментальности после войны постепенно вошли в фазу затухания и не воспроизводились в таком широком предметном поле, как до нее. Практическое воплощение идеи всегда конкретно, поэтому трудно было бы ожидать от советского человека жертвенного поведения «во имя идеи» постоянно. Идейный человек — тот, кто верен идее в самый критический, жизненно важный период, кто готов ее защищать и умереть, если нужно. Советская ментальность в полной мере актуализировалась лишь в определенный исторический момент, остальное время она находилась в состоянии «энергии покоя», поэтому во многом идентифицировать, определить, понять «советское» можно только по контрасту с наиболее яркими проявлениями «антисоветского» духа и его носителей.

Таким образом, можно рассматривать советскую идеологию как воплощенную в воспитании совокупность образцов (идеалов), следование которым наполняло смыслом повседневную действительность и объясняло необходимость переживания жизненных трудностей «ради высшей цели». «Советский человек» — не есть некий устойчивый, сформировавшийся тип, но *вектор развития*, идейное направление социальной общности, возможно, так и не реализованное в полной мере. Именно поэтому так сложно дать ему исчерпывающую характеристику. Этим же объясняется и фрагментарность его описания авторами — каждый освещает наиболее близкое по отношению к этому вектору собственное движение к нему или от него. Генетическая связь (мировоззренческая однотипность) славяно-православно-советского образа мышления определяет «мерцающий» характер советской ментальности, постоянного единства и борьбы между идеей и ее воплощением, между «должно быть» и «есть».

Наконец, любая идеология с течением времени требует не только тактических корректировок, но — поступательного, стратегического развития.

Застывая и превращаясь в догму, она перестает отвечать перманентно трансформирующимся и обновляющимся потребностям социума, превращаясь из двигателя в тормоз. В позднесоветский период подобные тенденции проявились во всех сферах общественной жизни. «На духовном ресурсе революции и большого проекта строительства страна решила очевидные задачи, но в цивилизационной холодной войне с 1960-х гг. стала нести поражения, которые закончились крахом в конце 1980-х гг. В символической сфере (“войне смыслов”) она оказалась несостоятельной — хотя в сфере объективной реальности имела большие преимущества», — заключает С. Г. Кара-Мурза¹⁷. Возможно, поэтому советская система «рассыпалась» так быстро и — так неожиданно для многомиллионного населения СССР.

Маркер «Атеизм»

Советский атеизм — сложное для непредвзятого анализа социально-историческое явление. Один из трендов современного общественно-политического дискурса на исторические темы: церковь — жертва революции 1917 г. С этим нельзя спорить. Но, учитывая ту роль, какую играла церковь в становлении и сохранении русской государственности¹⁸, нельзя также не задаться вопросом: а в какой степени церковь сама способствовала радикализации общественного сознания? Церковь — социальный институт, в немалой степени оказывавший влияние на общество (не только на верующих) и, следовательно, по определению, выступающий не только объектом, переживавшим революционные события, но вполне активным субъектом.

В начале XX в. развитие капиталистических отношений захватило все имущие слои России. Ряд представителей церковной иерархии не считали получение коммерческой прибыли чем-то неприемлемым с духовной точки зрения. Великий князь Александр Михайлович писал: «Это быстрое трестирование страны, далеко опередившее ее промышленное развитие, положило на бирже начало спекулятивной горячке... Отцы церкви подписывались на акции, и обитые бархатом кареты архиепископов виднелись вблизи бирж»¹⁹. А в результате — «горько осознавать, что церковь сегодняшнего дня далеко отошла от Христа; но это так», — заключает великий князь²⁰.

Наиболее авторитетные (смирненные) иерархи церкви в период переживаемых потрясений прекрасно понимали суть происходящего. Так, митрополит Вениамин (Федченков) (1880–1961) с горечью писал: «Вера становилась лишь долгом и традицией, молитва — холодным обрядом по привычке. Огня не было в нас и в окружающих»²¹. Рационализация мышления рабочего, его повседневное участие в механизированном трудовом процессе, анализ собственного социально-экономического положения и роли церкви в общественной жизни вполне объяснимо приводили его к протестным настроениям. Л. Д. Троцкий сделал интересное замечание по этому поводу: «На николаевском судостроительном заводе уже тогда (1896 г.) существовал восьмичасовой рабочий день. Стачками эти рабочие не интересовались, они искали правды социальных отношений. Некоторые из них называли себя баптистами, штундистами, евангельскими

христианами. Но это не было догматическое сектантство. Рабочие просто отходили от православия, баптизм становился для них коротким этапом на революционном пути»²².

Таким образом, революция — часть церковной истории и во многом закономерный результат ее развития и кризиса. Советская власть основывалась на принципах диалектического материализма в марксистско-ленинском понимании, что определило ее негативное отношение к религии как к иррациональному способу объяснения мира. Поскольку большевики ставили своей задачей как раз построение нового общества, религиозный консерватизм и отрицание возможностей человека как преобразующей силы противоречили большевистскому мировоззрению. Атеизм советского человека был объективен и исторически неизбежен. Как писал Н. А. Бердяев, «русский атеизм, который оказался связанным с социализмом, есть религиозный феномен. В основе его лежала любовь к правде»²³. С этих позиций обвинение советского человека в атеизме видится аналогичным обвинению человечества в стремлении преодолеть земное притяжение, — братьев Райт в изобретении самолета, а Ю. А. Гагарина в совершении первого космического рейса. Все эти факты — суть субъективные проявления объективных процессов.

В то же время говорить о советском человеке как о человеке бездуховном было бы неверно. С. Г. Кара-Мурза определяет духовность как «способность видеть в общественных явлениях (человеческих отношениях, государстве, армии, родном заводе и др.) не только прагматическую сторону, но еще и нечто священное», и эта способность не зависит от того, является ли человек воцерковленным, или верующим «про себя», или атеистом. «Когда есть это соединяющее людей чувство святости бытия, тогда и народ здоров, и государство сильно», — заключает исследователь²⁴. Подобное чувство святости бытия, безусловно, присуще советскому человеку и является одной из важнейших характеристик советской ментальности.

Маркер «Война»

Советское государство возникло как акт сопротивления несвободе. Эту свободу, завоевав, нужно было отстаивать. Поэтому советская ментальность изначально включала в себя военную (военно-мобилизационную) составляющую. В годы Великой Отечественной войны советское общество в целом было поставлено перед проблемой *выживания*, и сама эта угроза придавала особый импульс взаимопроникновению «старых» и «новых» ценностных установок в сознании советского человека. Главная потребность, определявшая мотивы ратного и трудового подвига, — победа в войне, которая давала возможность вернуться к нормальной, безопасной, мирной жизни. Защита Родины и семьи, моральные принципы, подчинение и субординация — своеобразная ценностная система, сформированная еще в довоенный период, в годы войны была актуализирована и получила новое, советское, истолкование: необходимость защищать *государство и советскую власть* как нечто неотъемлемое от понятия «Родина», как реально *свое* — дорогое и важное. К конструктивным

ментальным чертам советского человека военного времени следует отнести волю к жизни, преимущественное наличие коллективистской психологии, веру в победу и доверие к власти.

СССР готовился к войне в течение двадцати лет до ее начала и в течение двадцати лет по окончании преодолевал ее последствия. Фактор войны не мог не отразиться на образе мышления людей, родившихся в 1920–1926 гг., — именно они относятся к поколенческой когорте победителей. Война нанесла мощный демографический удар по советскому народу и привела к психологической травме этого и следующего поколений. Мечта о коммунизме к 1980 г. — необходимый и ожидаемый образ будущего — закономерный результат Победы. С другой стороны, «на войну опоздавшая юность» (по выражению Ю. И. Визбора) стремилась реализовать свой потенциал в формах, отличных от жертвенного энтузиазма своих сверстников 1920–1930-х гг. Всплеск интереса к высшему образованию и науке в 1960-е гг. — результат в том числе и желаний родителей, переживших ужасы войны, обеспечить своим детям *комфортное* будущее. В результате наметился «водораздел» основных мотиваций поведения: неофициально «нормой» стало считаться стремление к «устройству в жизни», в то время как на официальном уровне главной целью продолжал оставаться «общественный долг». Эти тенденции были особенно заметны из-за рубежа. Неслучайно Мао Цзедун в 1964 г. писал о хрущевском «псевдокоммунизме»²⁵. Противоречие между «застывшей» идеологией и бюрократическим официозом, с одной стороны, и «растущими материальными и духовными потребностями советского человека», с другой, — с невозможностью их удовлетворения в условиях позднесоветского периода (в том числе в условиях не в полной мере демилитаризированной экономики) — привели к расцвету «двоемыслия».

Маркер «Двоемыслие»

Термин, отражающий сложное социально-психологическое явление, связанное с имитацией лояльности к официозу, не является «автохтонным» — он «творчески» переосмыслен постсоветскими авторами и перенесен из романа «1984» на советское общество. По Дж. Оруэлу, двоемыслие — это «покорение действительности», так или иначе обусловленное страхом разоблачения. Страх разоблачения как психологическая основа двоемыслия порождал специфическую форму деятельности — имитацию, которая, как показал Ж. Т. Тощенко, «нередко наглядно и выпукло отражает пороки, болезни и помехи в функционировании всех без исключения общественных процессов, прежде всего, в политике и экономике, а как следствие — в социальной и духовной жизни»²⁶. Отталкиваясь от этого утверждения, можно сказать, что распространение двоемыслия в СССР было обусловлено переходом строительства коммунизма из декларативной в имитационную стадию. По мере того как идея коммунизма в сознании общества трансформировалась и приобретала все менее реальные очертания (особенно после 1980 г.), все более усиливались тенденции к двоемыслию. Более того, страх разоблачения в «некоммунистичности» навис и над

самой властью. В результате девиация в виде двоемыслия, по мере нарастания кризиса переходящая в «норму», становится *всеобщей*. То есть свойственной и власти тоже.

«Всеобщность» двоемыслия в позднем СССР подразумевает наличие как минимум двух уровней ее проявления. Конформно-пассивное двоемыслие было свойственно большинству советских людей «застойного» периода, либо разуверившихся, либо совсем не задумывающихся о смыслах и перспективах построения коммунизма. Это первый уровень, проявившийся, в частности, в сатире и юморе, анекдотах и отчасти отраженный в кинематографе и театральном искусстве. Идеологическая система, остановившаяся в развитии, постепенно становится формой воспроизводства лояльности, не более. По словам А. В. Юрчака, формальное исполнение ритуалов (участие в выборах, демонстрациях, партийных и комсомольских собраниях и пр.) являлось подтверждением статуса полноправного члена советского общества, который получал доступ ко всем ресурсам государства и возможность жить полноценной жизнью²⁷. Человек позднесоветской эпохи, оставаясь в общем и целом человеком советским, тем не менее отличается от «классических» образцов 1930-х, 1940-х и 1950-х гг.: «за редким исключением советские люди не были ни идейными коммунистами, ни диссидентами-антикоммунистами, они были нормальными обывателями, которые искали и находили возможности для самореализации, творчества, общения»²⁸.

На более высоком уровне двоемыслие можно рассматривать как метод «социального лифтирования», карьерного роста — активное публичное продвижение социалистических идеалов при их полном внутреннем неприятии. Такое поведение было присуще многим представителям партийной номенклатуры, в том числе и впоследствии открыто сменившим парадигму мышления на антисоветскую.

Особенно многообещающим представляется результат сравнения описания советского менталитета человеком антисоветским и наоборот. На практике история складывалась из их диалектического сосуществования и борьбы внутри не только общества, но и отдельной личности. Как справедливо заметил А. А. Проханов, «даже антисоветчик Солженицын был советским писателем, потому что его творчество, вся его энергия были связаны с этими советскими координатами»²⁹. Вот, кстати, еще один интересный вопрос: Н. С. Хрущев был человеком советским или антисоветским? Вопрос далеко не праздный, если учесть, что именно после «оттепели» понятие «советский человек» начинает дрейф в сторону догматического идейного консервирования и со временем вызывает ироничное неприятие у значительной части мыслящих людей, что, в частности, порождает феномен диссидентства. Вполне объяснимо с исторической точки зрения и то, что антисоветизм, имеющий в основе, по меткому выражению Е. Г. Серебряковой, «индивидуализм, возведенный в жизненную позицию»³⁰, постепенно замещает в психической структуре личности «советскую» составляющую, которая все более воспринимается как социально-исторический атавизм. Мы же хотим отметить: обыденное отношение к советскому в значительной мере определяется степенью соответствия либо несоответ-

ствия его ментальных составляющих ценностной ориентации респондентов. Научное понимание феномена советского должно органически включать анализ диалектического взаимодействия в рамках этой дихотомии.

Человек поющий

Сложность социально-исторической идентификации советской ментальности связана не только с ее многогранностью, но и в значительной степени с ее *продолжающимся существованием* в качестве инерционного «шлейфа» в сознании современного человека. Познан — значит, исчез; но советский менталитет является до сих пор реальным, а не только историческим социальным объектом. Его изучение не ограничивается исследованием прошлого, но включает в себя поиск новых критериев, маркеров, которые помогают безошибочно определить характерную поступь советского человека по дорогам истории.

Среди этих критериев — фактор свободного времени как неотъемлемого атрибута советской действительности. Само по себе свободное время — не только социально-экономическая дефиниция. Его наличие порождает проблему его использования. Мало того что государство и общество *могут* предоставить возможности для «активного отдыха», индивид должен *захотеть* использовать его в нужном обществе (и себе?) русле³¹. Думается, не в последнюю очередь именно в феномене *коллективного отдыха*, зачастую носившего творческий характер, воплощались значимые черты советской ментальности. Туристические клубы, клубы самодеятельной песни, народные театры, спортивные секции, научные и художественные кружки, общества изобретателей и поэтов — проявление индивидуальной и коллективной самореализации в условиях пусть относительно невысокого, но гарантированного государством материального достатка.

В процессе активного отдыха формировалась (и находила выражение) особая социальная энергия, свойственная коллективам *не конкурирующего типа*, члены которых не являются соперниками в социально-экономическом, политическом, культурном или бытовом смыслах. Это действительно — *товарищи*, а не конкуренты. Товарищ — вот наиболее емкое и адекватное определение человека с советской ментальностью! Вспоминаются стихи М. Л. Анчарова:

Только кажется мне,
Лучше слова «товарищ»
Ничего не нашел я
На этой земле³².

Песня на эти стихи, прозвучавшая в сериале «День за днем» (1971–1972, реж. В. Шиловский), обращает внимание на то, что советский человек — *человек поющий*. Изучение песенной и музыкальной культуры советского общества, повседневных практик взаимодействия и взаимовыражения с помощью песни могут с высокой степенью результативности дополнить реконструкцию ментальных маркеров. Советский менталитет во всем его многообразии и со значительной долей самокритики проявился в творчестве Высоцкого, Окуджавы,

Галича, Визбора, Митяева, Башлачева. Достаточно проанализировать тексты их произведений, чтобы глубже понять, о чем размышляли, мечтали и грустили советские люди, слушавшие и певшие эти песни. Отдельная тема — застольная песенная культура, тесно связанная с коллективной (трудовой, семейной) коммуникацией. Как заметил Ю. И. Визбор, «время делает песни, но и песни немножечко делают время»³³, а мы бы добавили — и человека.

Заключение

Методологический плюрализм еще не преодолел состояния эвристического хаоса, поскольку в большинстве случаев отражает не конструктивный процесс поиска оптимальной процедуры *научного* исследования, а в значительной мере *политически окрашенный* процесс выбора наиболее эффективного орудия в непрекращающемся споре «красных» и «белых». Для решения исследовательских задач в методологии очень важно снять субъективный негативизм. В противном случае научное исследование превращается в тенденциозный подбор фактов по «обличению» социально-исторического субъекта — носителя советской ментальности, которая, очевидно, не имела постоянно проявляющихся форм: каждая из них становилась стержневой в определенные периоды, переходя из латентного состояния в явное в качестве реакции на те или иные вызовы (внутренние и внешние). Поэтому советскую ментальность так трудно четко зафиксировать на протяжении достаточно длительного исторического периода, методика исследования обязательно должна учитывать этот ее «мерцающий» характер.

Если же говорить о ноуменальных характеристиках советского человека, то, по нашему мнению, его сущность лучше всего передает выражение «беспартийный большевик». Это человек социально ориентированный, коллективист, готовый к отказу от личных амбиций ради общего дела, с повышенным чувством долга и справедливости, лишенный карьеризма. Его скрытая (обратная) сторона — пресловутый «совок» — сформирована под воздействием коммунистических бюрократов: это безответственный человек, пользующийся общим благом как данностью, без адекватного искреннего вклада в его создание, результат социально-политической мимикрии и приспособленчества. Впрочем, это тип, встречающийся не только в советском обществе, поэтому не являющийся для него специфически характерным.

¹ Гества К. Советский человек. История одного собирательного понятия // Вестник общественного мнения. 2018. № 1–2. С. 75.

² Зиновьев А. А. Фактор понимания. М., 2006. С. 421–422.

³ Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005; Медушевский А. Н. Сталинизм как модель социального конструирования // Российская история. 2010. № 6. С. 3–29; Figes O. The Whisperers: Private Life in Stalin's Russia. NY, 2008.

⁴ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы. М., 2008.

- ⁵ *Лебина Н. Б.* Пассажиры колбасного поезда: этюды к картине быта российского города: 1917–1991. М., 2019; *Пивоваров Ю. С.* О «советском» и путях его преодоления (статья первая). Советское *Über alles* // Полис. Политические исследования. 2014. № 1. С. 60–82.
- ⁶ *Зубкова Е. Ю.* Советская жизнь как предмет исторической реконструкции // Российская история. 2019. № 5. С. 8, 9.
- ⁷ *Тощенко Ж. Т.* От феномена к ноумену: опыт методологического и методического поиска // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 8–9.
- ⁸ *Сорокин П.* Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000. С. 747.
- ⁹ *Ильницкий А.* Время больших решений // Парламентская газета: электронное периодическое изд. 2021. 23 сент. URL: <https://www.pnp.ru/politics/vremya-bolshikh-resheniy.html> (дата обращения: 01.11.2021).
- ¹⁰ Цит. по: *Репников А. В.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 105.
- ¹¹ *Бердяев Н. А.* Русская идея. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 2020. С. 366.
- ¹² *Тощенко Ж. Т.* 1917: время превращения идей в материальную силу // Социологические исследования. 2017. № 10. С. 36.
- ¹³ *Думнова Э. М.* Историческая обусловленность трансформации менталитета в России // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 379. С. 56.
- ¹⁴ *Ленин В. И.* Государство и революция // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 33. М., 1969. С. 89.
- ¹⁵ *Момыш-Улы Б.* Психология войны: книга-хроника. М., 1990. С. 6.
- ¹⁶ Там же. С. 31.
- ¹⁷ *Кара-Мурза С. Г.* Государственная политика в духовной сфере: задачи и провалы // Государственная политика и управление современной России в сфере идеологии, мировоззрения, религии, пропаганды, культуры и воспитания: материалы науч. семинара. Вып. 2 (49). М., 2012. С. 7.
- ¹⁸ См.: *Бабкин М. А.* Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. — конец 1917 г.). М., 2007.
- ¹⁹ Воспоминания великого князя Александра Михайловича Романова. СПб., 2015. С. 233.
- ²⁰ Там же. С. 310.
- ²¹ *Вениамин (Федченков), митрополит.* На рубеже двух эпох. М., 2016. С. 168.
- ²² *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь: опыт автобиографии. Т. 1. Берлин, 1930. С. 130.
- ²³ *Бердяев Н. А.* Русская идея. С. 277.
- ²⁴ *Кара-Мурза С. Г.* Государственная политика в духовной сфере: задачи и провалы. С. 23.
- ²⁵ *Мао Цзэдун.* О Хрущевском псевдокоммунизме и его всемирно-историческом уроке // Мао Цзэдун. Маленькая красная книжница. М., 2007. С. 396–418.
- ²⁶ *Тощенко Ж. Т.* Новые лики деятельности: имитация // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 24.
- ²⁷ *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014. С. 73–74.
- ²⁸ Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960–1991 гг. / под общ. ред. В. Л. Ларина; отв. ред. А. С. Ващук. Владивосток, 2018. С. 553 (История Дальнего Востока России; т. 3, кн. 5).
- ²⁹ *Александр Проханов:* От соцреализма к трансгуманизму // Изборский клуб: [официальный сайт]. URL: <https://izborsk-club.ru/21813> (дата обращения: 01.11.2021).
- ³⁰ *Серебрякова Е. Г.* «Антисоветчик» Валерий Тарсис: поведенческая модель писателя-нонконформиста как реализация идентичности // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 46. С. 170.
- ³¹ *Синова И. В.* Паттерны досуга советского человека в середине 1950-х — начале 1960-х гг.: эволюция личного и государственного дискурсов // Журнал региональной истории. 2020. Т. 4, № 4. С. 1223.
- ³² *Анчаров М.* Звук шагов: авторский сб. / сост. В. Юровский. М., 1992. С. 98.

³³ *Визбор Ю. И.* Песни делают время // *Визбор Ю. И. Сочинения.* Т. 3. М., 2001. С. 110.

Статья поступила в редакцию 22 февраля 2022 г.
Рекомендована к печати 21 августа 2022 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Сомов В. А., Волкова Е. С. Советская ментальность: маркеры социально-исторической идентичности // *Новейшая история России.* 2022. Т. 12, № 4. С. 1035–1048.
<https://doi.org/10.21638/spbu24.2022.413>

Аннотация: Современная историография советского общества находится на стадии формирования беспристрастной оценки его места в истории Российской цивилизации. Наиболее известные статьи по истории СССР нередко представляют собой документированное выражение авторской исследовательской позиции, не всегда стремящейся к беспристрастности. Подобные исследования вызывают ощущение продолжающейся «гражданской войны» — теперь уже на «фронтах» науки и публицистики. Более того, ряд авторов концентрируются на изучении в основном негативных черт «советского проекта», перенося эти характеристики на все советское общество. Следуя в русле ноуменального подхода к изучению советского общества, авторы призывают научное сообщество перейти от детального фактографического описания советской эпохи к выявлению ее базовых характеристик, при этом отказавшись от политизированных оценок. Целью исследования является определение основных составляющих советской ментальности на основе анализа ее ключевых проявлений в разные периоды истории советского государства. Для достижения этой цели вводятся маркеры социально-исторической идентичности советского человека, такие как «революция», «идея», «атеизм», «война», «двоемыслие» и др. Установлено, что набор ментальных характеристик не был постоянным, они актуализировались в зависимости от конкретно-исторической ситуации. Ноуменальные характеристики советского человека исторически формировались в результате диалектического взаимодействия идеального типа «беспартийного большевика» — социально ориентированного коллективиста с повышенным чувством долга — и его антипода — пресловутого «совка» — безответственного карьериста и социального приспособленца. В заключение отмечается, что советская ментальность может быть определена скорее как вектор перспективного целевого развития, нежели как устойчивый социально-психологический тип.

Ключевые слова: советская ментальность, СССР, революция, атеизм, Великая Отечественная война, двоемыслие, антисоветизм.

Сведения об авторах: *Сомов В. А.* — д-р ист. наук, проф., Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина (Нижний Новгород, Россия); somoff33@yandex.ru | *Волкова Е. С.* — канд. ист. наук, науч. сотр., Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток, Россия); elenavolkova1@yandex.ru

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Россия, 603005, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Россия, 690001, Владивосток, ул. Пушкинская, 89

FOR CITATION

Somov V. A., Volkova E. S. 'Soviet Mentality: Markers of Socio-Historical Identity', *Modern History of Russia*, vol. 12, no. 4, 2022, pp. 1035–1048. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2022.413> (In Russian)

Abstract: Modern historiography of Soviet society is at the stage of forming an impartial assessment of its place in the history of Russian civilization. The most famous articles on the history of the USSR are often a documented

expression of the author's research position, which does not always strive for impartiality. Such studies evoke the feeling of an ongoing "civil war" — now on the "fronts" of science and journalism. Moreover, a number of authors concentrate on studying, mainly, the negative features of the "Soviet project", transferring these characteristics to the entire Soviet society. Following in line with the noumenal approach to the study of Soviet society, the authors call on the scientific community to move from a detailed factual description of the Soviet era to identifying its basic characteristics, while abandoning politicized assessments. The purpose of the study is to determine the main components of the Soviet mentality based on an analysis of its key manifestations in different periods of the history of the Soviet state. To achieve this goal, markers of the socio-historical identity of the Soviet person are introduced, such as "revolution", "idea", "atheism", "war", "doublethink", etc. It was established that the set of mental characteristics was not constant, they were updated in depending on the specific historical situation. The noumenal characteristics of a Soviet person were historically formed as a result of the dialectical interaction of the ideal type of a "non-party Bolshevik" — a socially oriented collectivist with a heightened sense of duty and his antipode — the notorious "Sovok" — an irresponsible careerist and social opportunist. In conclusion, it is noted, that the Soviet mentality can be defined more as a vector of promising targeted development than as a stable socio-psychological type.

Keywords: Soviet mentality, USSR, revolution, atheism, Great Patriotic War, doublethink, anti-Sovietism.

Authors: *Somov V.A.* — Dr. Sci. in History, Professor, Minin University (Nizhny Novgorod, Russia); somoff33@yandex.ru | *Volkova E.S.* — PhD in History, Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East — Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia); elenavolkova1@yandex.ru

Minin University, 1, ul. Ulianova, Nizhny Novgorod, 603005, Russia

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East — Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, 89, ul. Pushkinskaya, Vladivostok, 690001, Russia

REFERENCES

- Babkin M. A. *Clergy of the Russian Orthodox Church and the overthrow of the monarchy (the beginning of the 20th century — the end of 1917)* (Moscow, 2007). (In Russian)
- Berdiaev N. A. *Russian idea. The origins and meaning of Russian communism* (Moscow, 2020). (In Russian)
- Dumnova E. M. 'Historical conditionality of mentality transformation in Russia', *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 379, 2014. (In Russian)
- Figes O. *The Whisperers: Private Life in Stalin's Russia* (New York, 2008).
- Fitzpatrick S. *Everyday Stalinism. The social history of Soviet Russia in the 30s: the city* (Moscow, 2008). (In Russian)
- Gestwa K. 'Soviet man. The history and ambivalence surrounding a collective singular form' *Vestnik obshchestvennogo mneniia*, no. 1–2, 2018. (In Russian)
- Kozlova N. N. *Soviet people. Scenes from history* (Moscow, 2005). (In Russian)
- Lebina N. B. *Passengers of the sausage train: sketches for a picture of the life of a Russian city: 1917–1991* (Moscow, 2019). (In Russian)
- Medushevskii A. N. 'Stalinism as a model for social construction' *Rossiiskaia istoriia*, no. 6, 2010. (In Russian)
- Pivovarov Yu. S. 'About the "Soviet" and ways to overcome it (article one). Soviet Über alles' *POLIS. Politicheskie issledovaniia*, no. 1, 2014. (In Russian)
- Repnikov A. V. *Conservative concepts of the reconstruction of Russia* (Moscow, 2007). (In Russian)
- Serebryakova E. G. 'Anti-soviet" Valery Tarsis: the behaviour model of the nonconformist writer as a realisation of identity', *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, no. 46, 2017. <https://doi.org/10.17223/19986645/46/12>
- Sinova I. V. 'Leisure patterns of the Soviet man in the mid-1950s — early 1960s: the evolution of personal and state discourses', *Zhurnal regional'noi istorii*, vol. 4, no. 4, 2020. (In Russian)
- Society and Power in the Russian Far East in 1960–1991*, eds V. L. Larin, A. S. Vashchuk (Vladivostok, 2018). (In Russian)

- Sorokin P. *Social and cultural dynamics: a study of changes in large systems of art, truth, ethics, law and public relations* (St Petersburg, 2000). (In Russian)
- Toshchenko Zh. T. '1917: the time of transformation of ideas into material force', *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 10, 2017. (In Russian)
- Toshchenko Zh. T. 'From phenomenon to noumenon: a methodological and methodic search', *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 4, 2019. (In Russian)
- Toshchenko Zh. T. 'New faces of activity: imitation', *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 12, 2012. (In Russian)
- Yurchak A. *It was forever until it was over. The last Soviet generation* (Moscow, 2014). (In Russian)
- Zinoviev A. A. *Understanding factor* (Moscow, 2006). (In Russian)
- Zubkova E. Yu. 'Soviet life as a subject of historical reconstruction', *Rossiiskaia Istorii*, no. 5, 2019. <https://doi.org/10.31857/S086956870006372-0> (In Russian)

Received: February 22, 2022

Accepted: August 21, 2022